

Глава 1

Его нашли в Италии. Он точно знал, что его не могут и не должны найти. Его итальянского адреса и номера телефона не знал никто. Или почти никто, если не считать Эдгара Вейдеманиса и Леонида Кружкова, так часто и много помогавших ему в Москве. Но существовал еще и третий человек, который не только знал, где и как можно найти Дронго, но был осведомлен и о его семейной жизни, чего тоже не должен был знать никто. Или почти никто.

— Извини, что решил тебя побеспокоить, — услышал Дронго знакомый голос и нахмурился, понимая, что лишь абсолютно невероятные события могли заставить этого человека позвонить.

— Что-нибудь случилось? — спросил он, кажется, нормальным голосом, стараясь не выдавать своего беспокойства.

— Думаю, что ты догадался. Я хотел бы с тобой срочно встретиться. Как быстро мы можем это сделать?

— Вы же знаете, что я ненавижу летать, — в сердцах пробормотал Дронго. — Мне придется поехать в Рим, взять билет на первый же рейс в Москву, а перед этим еще объяснить Джил, поче-

му я решил так неожиданно оставить ее и детей. Мне будет трудно объяснить почему. Вы не могли бы мне подсказать?

— Не притворяйся. Ты все прекрасно понял, — отозвался собеседник, — если я звоню, значит, дело того стоит. И, думаю, ты понимаешь, что оно безотлагательное. Кстати, летать в Москву тебе пока не надо. Я забыл сообщить, что говорю с тобой из Рима. Так что тебе нужно только сесть за руль автомобиля и приехать в столицу Италии. Кажется, от вашего дома она не так далеко. Хотя я забыл, что ты не любишь ездить за рулем. Прямо скажу, никудышный из тебя Джеймс Бонд.

— Я это знаю, — согласился Дронго и почувствовал, что настроение у него окончательно испортилось. Неужели все так плохо, что его собеседнику пришлось самому прилететь в Рим?

— Между прочим, я завязал, — попробовал пошутить Дронго, — и дал себе слово никогда не встречаться с официальными представителями разведслужб.

— Тогда считай, что я прилетел как твой друг. Ты можешь уделить один час своего драгоценного времени другу?

— Если бы только час, — вздохнул Дронго.

— Ты что-то сказал? — поинтересовался человек на другом конце провода.

— Вам послышалось. Куда мне приехать?

— Отель «Тициано». Это на корсо Витторио Эммануэле.

— Знаю. Не доезжая до Ватикана. Буду через два часа. Кстати, там рядом, у моста, есть неплохой ресторан. Мы можем туда сходить. Как вы относитесь к итальянской кухне?

— Ты заранее хочешь вычислить, есть ли у меня время на разговор с тобой? — понял собеседник. — Ресторан — это нормально. Время у меня есть. Хотя и не так много. Буду ждать тебя в отеле.

— Последний вопрос. Вы один? Или...

— Или. Но можешь не комплексовать. Моего спутника ты хорошо знаешь. И он тебя знает. Вы вместе работали... Между прочим, можешь потребовать двойной гонорар.

— Понятно, — пробормотал Дронго, — вы просто держите меня за горло. Чтобы уважать себя, я должен зарабатывать деньги и не сидеть на шее Джил. И вы умело пользуетесь этим обстоятельством. А если я сейчас положу трубку и никуда не приеду?

— Я буду очень разочарован и сегодня же

улечу обратно в Москву. Но это не самый худший вариант.

— А какой самый худший?

— Если приедешь, услышишь от меня, почему тебя так срочно ищут, но если и после этого не полетишь в Москву, тогда и я уже не смогу улететь обратно. Либо с тобой, либо мы оба остаемся в Италии. И мой спутник тоже, хотя подозреваю, его это не очень обрадует.

— То есть мне лучше не приезжать?

— Нет, лучше все же приехать. Встречаемся через два часа в отеле «Тициано». Или «Тициан», так правильнее по-русски.

Дронго убрал телефонный аппарат. Если его собеседник решил на такой перелет, значит, его погнала сюда чрезвычайная необходимость. К тому же он тяжело передвигается, пользуясь палочкой. Интересно, о каком спутнике он говорил? Все равно придется ехать в Рим. И нужно будет попросить водителя Джил, чтобы отвез его в тот самый отель. Так, кажется, он уже начал сходить с ума — забыл, что в такие дела нельзя вмешивать посторонних. Правильно сделать так: вызвать такси, доехать до центра Рима, там пересесть в другое такси — и уже на нем подъехать к отелю «Тициан». А еще лучше поменять машину два раза. В таком случае водитель Джил не полу-

чит случайную пулю в живот, когда решат проверить, каким образом Дронго приехал в Рим. И никто не явится сюда, чтобы уточнить, рассказывал ли водитель кому-нибудь о том, куда именно он возил мужа хозяйки.

Методы спецслужб не изменятся даже еще через тысячу лет. Работая с ними, всегда нужно быть готовым к предательству, неожиданной смене ролей, различным непредвиденным обстоятельствам. Нельзя расслабляться ни на минуту. Хотя все может оказаться гораздо прозаичнее, чем они думают. Возможно, позвонивший прилетел вместе с обычным «исполнителем» или «чистильщиком», как их называют. Или даже с «ликвидатором» — одним из тех внимательных и аккуратных ребят, многие из которых после девяносто первого года остались без дела и потому перешли работать на мафию. В девяностые годы их выстрелы звучали по всему миру — не только в России и странах СНГ. Сколько их, таких умелых парней, осталось в Чехословакии, ГДР, Югославии! Странно, что ни одного из этих государств не осталось на карте мира. Победители стерли их с политической карты мира, как ненужные воспоминания прошлого. А побежденные начали мстить победителям. Все логично и правильно, как и должно быть.

Может, и его в отеле ждут, чтобы угостить хорошей порцией свинцового заряда, после чего Дронго никому ничего не расскажет? Хотя это маловероятно. Во-первых, он не так много знает современных секретов, чтобы его убирать. Во-вторых, достаточно часто помогает своими консультациями и советами, чтобы устранять его, не объяснив причины. Хотя в их деле бывает все, что угодно. О настоящей причине может не знать даже начальник отдела, отдавший приказ на устранение неугодного эксперта. С чего это такие мрачные мысли лезут ему сегодня в голову? Дронго вспомнил, что ему нужно еще предупредить Джил, и, поднявшись с дивана, отправился ее искать.

Через два часа он подъехал к отелю «Тициано». Если бы его ждал кто-нибудь другой, Дронго принял бы обычные меры предосторожности, поменяв в пути машины. Но в данном случае это была совершенно ненужная трата времени. Когда автомобиль мягко затормозил у отеля, он увидел Владимира Владимировича, сидящего на противоположной стороне улицы и приветливо ему помахивающего. Неизменная палочка, на которую он опирался при ходьбе, стояла около него.

Дронго расплатился с водителем такси и начал тут же переходить улицу, но раздавшийся

рядом противный скрежет тормозов его остановил. Оказывается, он чуть не попал под машину. Из окна «Форда», замершего буквально в нескольких сантиметрах от Дронго, высунулся водитель и прокричал в его адрес все мыслимые и немыслимые оскорбительные выражения.

— Извините, синьор, — улыбнулся Дронго, — кажется, я переходил дорогу в неполюженном месте.

Затем он медленно пересек оставшуюся часть дороги, сел на каменный бордюор возле Владимира Владимировича и вежливо произнес:

— Добрый день.

— Здравствуй. Ты всегда так переходишь улицу? Однажды доиграешься, собьют. Особенно это немудрено здесь, в Италии.

— Это я волновался перед встречей с вами, — мрачно пошутил Дронго.

— Я так и понял. Следующий раз смотри сначала налево, потом — направо. А в Англии соответственно наоборот. Если ты еще помнишь.

— Хотите послать меня в Англию?

— Нет, просто вспомнил правила дорожного движения, которые различаются в разных странах Европы.

— Учту. Неплохое пожелание долгой жизни. Хотя, как я понимаю, вы приехали сюда, чтобы

максимально сократить возможный срок, отпущенный мне книгой Судеб?

— Не стоит так мрачно. Нам нужны лишь твои аналитические способности.

— А я думал, кулинарные, — в сердцах буркнул Дронго. — Итак, в чем дело?

— Появилась серьезная проблема. В Казахстане...

— Только этого мне не хватало! Я люблю казахов, но вы можете мне объяснить, какое я имею к ним отношение? И какое вы имеете к ним отношение?

— Подожди, — перебил его Владимир Владимирович, — все гораздо серьезнее, чем ты полагаешь.

Дронго вздохнул и приготовился слушать.

— Два месяца назад в больницы одного областного центра Казахстана попали сразу трое больных, — начал рассказ Владимир Владимирович. — Врачи сразу определили, что все они получили очень сильную дозу радиации. Спасти не удалось никого. Все трое умерли очень быстро. А через две недели в больницу другого областного центра поступили еще двое похожих больных. Один из них жив до сих пор, хотя находится в крайне тяжелом состоянии. Второй умер несколько дней назад. И опять же врачи установи-

ли, что имело место облучение, хотя и в гораздо меньших дозах, чем в первом случае. Можешь догадаться, что все пятеро оказались связаны между собой.

— Ясно, — хмуро отозвался Дронго. — Как я понял, это всего лишь заправка. А поскольку вы пока не назвали городов, дальше, думаю, последует самое интересное. Я просто дрожу от нетерпения.

— А дальше придется вести расследование, — пояснил Владимир Владимирович. — И ты обязан согласиться им заняться еще до того, как я продолжу...

— Кому обязан? И почему? Насколько мне помнится, я не работаю ни на российскую, ни на казахстанскую разведки. Или меня уже зачислили в штат без моего ведома?

— Оставим шутки для следующего раза, — предложил Владимир Владимирович. — Твой гонорар будет удвоен. И мы просим тебя согласиться. Есть много причин, по которым расследование этого неприятного для всех инцидента должен провести именно ты.

— Изложите...

— Сначала мне нужно получить твое согласие.

— Тогда не нужно было говорить о гонораре.

Я чувствую себя почти оскорбленным. Хотя сейчас время дикого капитализма. Раньше мне напоминали о чести и совести, о служении Отчизне, а теперь, когда мою Родину разорвали на куски, мне предлагают двойной гонорар. Между прочим, я до сих пор гражданин Азербайджана.

— А мы, между прочим, много раз предлагали тебе звание полковника и гражданство России. Учитывая, что ты живешь в Москве, мог бы и согласиться.

— Я плохо отношусь к людям, которые меняют свои убеждения и гражданство, — пробормотал Дронго. — Я родился в Баку — это мой родной город. И надеюсь, останется таковым до конца моей жизни. А насчет полковника спасибо. Учитывая, что ваш президент всего лишь подполковник, это более чем щедрое предложение. Но я в очередной раз его отклоню. И в очередной раз приму ваше первое предложение. Как я понял, вам нужен именно такой эксперт, как я?

— Да, — кивнул Владимир Владимирович, — между прочим, против твоей кандидатуры не возражают и спецслужбы Казахстана. Там тебя до сих пор помнят.

— Трогательно, — кивнул Дронго. — Теперь продолжайте...

— Мы обязаны были проверить все возмож-

ные варианты, — сообщил Владимир Владимирович, — и достаточно быстро выяснили, что все пятеро погибших были связаны между собой. Трое таджиков, один афганец и один узбек, причем двое последних из одного города. Ты понимаешь, что нас заинтересовал тот факт, что все пятеро получили такую сильную дозу радиации. В горах, конечно, фон другой, но не такой, словно они побывали на развороченной атомной станции.

— Может, они герои Чернобыля, которым вовремя не заплатили? — зло поинтересовался Дронго. — Или у вас еще где-то произошла похожая авария?

— Ничего подобного. Мог бы и не спрашивать. Аварии, конечно, не было. Но в Северном Казахстане находилось старое захоронение отходов, законсервированное еще в конце шестидесятых. Там даже не было нормальной охраны. Все давно о нем забыли...

— Но тут кто-то о нем вспомнил, — невежливо продолжил Дронго.

— Да, кто-то вспомнил, — подтвердил Владимир Владимирович. — Сейчас мы проводим проверку. Подключили контрразведки России, Казахстана и Узбекистана. Но нужно учесть, что тогда технологии были не столь совершенны, как

сейчас. Накопилось много грязных отходов. Когда после распада Советского Союза подписывался договор о вооружении, было решено вывести все ядерное оружие с территорий Белоруссии, Украины и Казахстана в Россию. Но об этом захоронении тогда никто не вспомнил.

— Тогда о многом не вспомнили, — печально произнес Дронго. — Забыли, например, о Крыме, о вашем Черноморском флоте. Забыли о гражданской войне в Таджикистане, о военных конфликтах в Нагорном Карабахе, Абхазии, Осетии, Приднестровье. У меня может получиться слишком длинный счет к вашему бывшему президенту. И к двум остальным придуркам, которые подписывали это Беловежское соглашение.

— Не нужно, — поморщился Владимир Владимирович, — это уже история.

— А эти ваши пятеро, получившие такую чудовищную дозу облучения, тоже история?

— Нет. К сожалению, нет. Хранилище имело два входа. Основной, который охраняли посты внутренних войск Казахстана, и запасной, о котором многие даже не знали. После распада СССР прошло тринадцать лет, многие документы оказались просто утеряны. Тем более на объект, законсервированный почти тридцать пять

лет назад. Там даже нормальной охраны, по существу, не было. Лишь один формальный пост.

— Почему в Казахстане? — не понял Дронго. — Я думал, захоронения ядерного топлива находятся только в России.

— Тогда это был Советский Союз, — терпеливо напомнил Владимир Владимирович. — На этот вопрос невозможно ответить однозначно. Выбирали удобное место, не думая о том, где оно находится. Кто мог предполагать, что между республиками появятся государственные границы? Тем более в конце шестидесятых. За одно такое высказывание могли посадить в тюрьму. Или в сумасшедший дом. Почему Байконур в Казахстане? Тогда это была единая страна, и могильники размещали не только в России. А теперь получается, что Гагарин и все остальные первые космонавты летали в космос с территории чужого государства. Так пишут в наших учебниках истории. Представляю, что думают наши дети, когда читают эти строки.

— Не нужно было разрушать собственную страну, — отрезал Дронго. — А насчет Байконура я как раз знаю. Тогда для космодрома выбирали такое место, чтобы оно было ближе к экватору. Поэтому и у американцев космодром на мысе Канаверал. Все правильно. Но какой чужак ре-

шил размещать ядерные отходы в Казахстане? Или там были не только отходы с атомных станций?

— Сам все узнаешь, — ответил Владимир Владимирович. — На месте получишь всю документацию. Сейчас там работает смешанная комиссия. В общем, нет сомнений, что в том могильнике поработали чужие. И вывезенного ими сырья вполне достаточно для двух «грязных» бомб. Впечатляет?

Дронго повернулся и посмотрел на двух мальчишек, играющих рядом с ними. Обоим было не более десяти лет. И тогда он беззвучно выругался.

Глава 2

Потом они долго молчали. Дронго было нужно осмыслить услышанное. Наконец он, тяжело вздохнув, посмотрел на Владимира Владимировича.

— Спасибо, — поблагодарил он за предоставленную возможность подумать, — такие новости слышишь не каждый день. И где теперь эти «отходы»?

— Они могут быть где угодно, — безжалостно сообщил Владимир Владимирович. — В Москве,

в Лондоне, в Вашингтоне... Их могут разместить в Афганистане или в Пакистане, в Астане или в Ташкенте. Они могут оказаться даже здесь, в Риме...

Дронго снова посмотрел на играющих рядом с ними детей. Мальчики увлеченно гоняли по кругу гоночные автомобили, управляя ими с помощью небольших пультов дистанционного управления.

— Так вот почему вы нашли меня, — понял Дронго. — Решили, что я идеальный кандидат для розыска ваших террористов? Или я сразу должен искать эти бомбы?

— Сначала понять, кто и зачем вывез эти отходы, — пояснил его собеседник, — и параллельно начать их поиск. Теперь я скажу, почему мы решили обратиться именно к тебе. Во-первых, твоя кандидатура была согласована на совместном заседании руководителей разведслужб стран СНГ, в том числе России и Казахстана. Во-вторых, придется действовать на южном направлении, возможно, в Афганистане или в Пакистане. Мы не знаем ни маршрута террористов, ни их целей. Но аналитики считают, что при любом развитии ситуации, какой бы маршрут они ни избрали, там будут задействованы и представители местного населения, и наемники. Значит, нужен

человек, сочетающий в себе западный рационализм и восточный иррационализм. Ты знаешь другого такого специалиста, кроме себя? Я уже не говорю, что для начала хорошо бы изучить некоторые восточные языки и говорить по-русски. А еще быть специалистом такого класса, как ты. Достаточно или продолжать?

— Всегда хочется узнать о себе что-то новое, — пробормотал Дронго. — Может, еще немного похвалите?

— У тебя есть возможность работать там, где не могут работать другие, — продолжил Владимир Владимирович. — Мы помним, что именно ты ездил в свое время в осажденный Багдад, был в Афганистане и Сирии. Конечно, ты не единственный, но один из самых лучших. В Афганистане сейчас американцы. У них там неплохая агентурная сеть. В Пакистане тоже работают ЦРУ и британская разведка. И все тебя знают. В данном случае не нужно ничего объяснять. Они готовы помогать тебе, понимая, что мы выполняем общее дело. Ты один из самых известных аналитиков в мире. И чтобы ты не очень обольщался, должен тебе сообщить, что, кроме тебя, этим делом будет заниматься очень много людей в разных точках земного шара. Мы уже подключили к

нему всех возможных специалистов. И сообщили американцам о нашем возможном выборе.

— Все?

— Нет, не все...

— И... — Дронго повернул голову и посмотрел в глаза своему собеседнику.

Тот выдержал его взгляд.

— Что «и»?

Если бы Владимир Владимирович не усмехнулся, Дронго не стал бы продолжать эту тему. Но тот усмехнулся, и поэтому Дронго улыбнулся в ответ.

— Вы не договорили, — сказал Дронго, — тут должен быть еще один фактор.

— Должен, — согласился приехавший из Москвы гость. — Есть еще одно обстоятельство. Мы считаем, что захват был проведен достаточно профессионально. Спланирован и осуществлен таким образом, что понятно — в операции принимал участие очень подготовленный специалист.

— И вы его нашли?

— Мы подозреваем, что в планировании захвата принимал участие специалист по ядерной энергетике. В течение последних двух месяцев мы старались его вычислить. И если это тот человек, которого мы подозреваем, то положение

не просто тревожное, оно — катастрофическое. Это один из создателей атомного оружия в Пакистане. Если мы правы, то он сумеет использовать похищенные материалы для создания такой «грязной» бомбы, что она может «испортить атмосферу» многомиллионного города. И мы не уверены, где она сейчас.

— Больше ничего приятного не скажете?

— На этом все. Тебе надо лететь в Казахстан.

Прямо сегодня.

— Это я уже понял. — Дронго в очередной раз посмотрел на играющих рядом с ними мальчишек. Они улыбались. Дети были счастливы.

— Фамилию «специалиста» можете мне сказать?

— Ахмед Парвиз, — сообщил Владимир Владимирович. — Между прочим, он стажировался в Кембридже. Говорят, блестящий специалист.

— И потом вернулся в Пакистан?

— Нет. Потом он уехал в Америку. Работал три года в Спрингфилдском университете. Но в Чикаго у него произошла трагедия. Погибла его жена. Тогда он решил вернуться в Пакистан, где и принял участие в разработке атомного оружия. Затем уехал оттуда...

— Давайте по порядку, — попросил Дронго. — Что у него случилось в Чикаго?

— Несчастье. Мы проверяли через ФБР. Это был обычный грабеж. Его супруга была со своей подругой, когда на них напали двое грабителей. Все могло кончиться гораздо спокойнее, но неожиданно появились офицеры полиции. В перестрелке погибла супруга Ахмеда Парвиза. Возможно, от случайного выстрела. Но он был потрясен этим обстоятельством. Ужасно потрясен. И решил вернуться на родину.

— Вот так формируется образ врага, — прокомментировал Дронго. — Сначала его учат в Кембридже, затем приглашают на работу в США, а потом там убивают его жену... Представляю, как он ненавидит теперь весь западный прогнивший мир. Всю эту цивилизацию. Мотивы ясны. Что дальше? Почему он оставил работу в Пакистане? Там тоже произошло нечто похожее?

— Почти. Его сына едва не арестовали. Семья Парвиза принадлежит к местным шиитам, а там постоянные волнения между шиитами и суннитами.

— Дальше можете не говорить... — Дронго покачал головой. — В этом безумном мире все сошло с ума. Что происходит в Пакистане между суннитами и шиитами, я неплохо знаю. Там уже взрывают мечети друга друга.

— Да, — кивнул Владимир Владимирович, — поэтому мы и позвали тебя.

— Это я тоже понял. Наиболее радикальное крыло в исламе — это суннитские ваххабиты, а им противостоят радикальные шииты, которые просто считают мученичество продолжением нормальной жизни. И самые непримиримые организации в мире — это шиитские ордена мучеников ислама. В Палестине, в Иордании, в Ираке, в Пакистане. И есть только две страны в мире, где эта форма ислама является основной. В Иране и... в Азербайджане.

— Верно.

— И поэтому вы говорили о моем восточном иррационализме?

— И поэтому тоже.

— Почему же вы сразу не спохватились? С тех пор как нашли этих несчастных, прошло два месяца. Так вы сказали. Или больше?

— Немного больше. Сначала никто не мог понять, что именно произошло. Там же недалеко Семипалатинск, думали, это связано с тем самым полигоном, который закрыли еще во время перестройки. Помнишь, какие были протесты? Иногда там бывали подобные случаи. Появлялись больные, получившие повышенную дозу радиации. Трое первых попали в разные больни-

цы, поэтому никто не придавал этому значения. Потом еще двое. Кто-то из сотрудников контрразведки решил проверить, где эти люди могли так облучиться. Пока дело дошло до Астаны, пока проверили все факты, пока связались с Москвой, пока мы все перепроверяли... Словом, прошло много времени... С поправкой на обычную восточную неторопливость.

— И спохватились только сейчас.

— Несколько дней назад. Наши аналитики считают, что у нас нет времени. Груз может находиться в Москве. Или в любом другом городе России. Его могли вывезти за это время куда угодно. Наши эксперты гораздо лучше просчитывают логику западных разведслужб, чем возможные действия террористов с Востока. Там все слишком нерационально. Трудно иметь дело с людьми, для которых сама жизнь не является главным приоритетом.

— Вы знаете, что в восточных странах нет такого понятия, как детективная литература? — неожиданно спросил Дронго. — Я об этом часто думаю. Дело в том, что западная цивилизация слишком рациональна. Все просчитано и прагматично. Они рисуют в своих храмах Христа, рядом обязательно где-нибудь присутствует Иуда, предавший Учителя, и Дьявол, соблазняющий

людей. Даже в Сикстинской капелле четко видно, где праведники, а где — грешники. От кого Христос отвернулся, к кому — повернул лицо. А в исламе такого просто не может быть. Любые изображения запрещены. Вера существует на подсознательном уровне. Бог есть Бог, и он всегда прав, а Сатана лишь пытается соблазнить человека. И вера должна быть не в конкретных образах, а в душе. Поэтому детектив, излагающий факты против формально невинного человека, у мусульман почти невозможен. Здесь чувства и вера играют бóльшую роль, чем формальное соблюдение закона. На Востоке человек не может быть оправдан, если он виновен. Даже если расследование происходило с нарушением каких-то формальных процедур. На Западе человек не может быть признан виновным, если во время задержания и допросов формально были нарушены процессуальные нормы. В первом случае речь идет об убежденности вины, во втором — о формальном следовании закону. И я не уверен, что западный судья всегда прав, когда в силу юридических тонкостей должен оправдывать негодяя или насильника. Хотя помню, что любое сомнение должно толковаться в пользу обвиняемого. Но это уже классика западной юриспруденции.

— Чего в тебе больше? — поинтересовался

Владимир Владимирович. — Западного рационализма или восточного иррационализма?

— Всего понемногу. Насколько я помню наш утренний разговор, вы говорили, что у меня будет еще и напарник. Как вы знаете, я не люблю работать вместе с кем-то. Это мешает и отвлекает. А если буду думать еще и о том, как обеспечить его безопасность, то у меня просто не останется времени на работу. Кто этот человек?

— Он ждет нас в отеле, — ответил Владимир Владимирович. — Подозреваю даже, что сейчас сидит в холле и наблюдает за нами...

— Кто это?

— Ты встречался с ним в прошлом году. Мы называем его Профессором.

— Господи, только этого не хватало! — невольно вырвалось у Дронго. — Это же Пьеро!

— Кто? — не понял Владимир Владимирович.

— Я прозвал его Пьеро. Потому что он похож на этот образ из итальянских комедий. Такой отстраненный, всегда печальный и грустный...

Владимир Владимирович улыбнулся и одобрил:

— Хорошую кличку ты ему придумал. Он действительно похож на Пьеро. Только мы не

зря зовем его Профессором. Ты ведь знаешь, чем он занимается?

— И даже слишком хорошо. Он — профессиональный ликвидатор. И должен сказать, большой мастер своего дела. Но если вы посылаете его со мной, то, очевидно, считаете, что в живых не должно остаться никаких свидетелей?

— Почти никаких, — великодушно подтвердил Владимир Владимирович, — кроме тебя, разумеется. Он будет послушно выполнять все твои распоряжения. Считай, что мы просто тебя вооружили.

— Ружьем, которое стреляет само по себе, — прокомментировал Дронго. — Опасно вешать такое «ружье» на стену, оно может стать неуправляемым.

— Не станет, — успокоил его Владимир Владимирович, — это просто не тот случай. Мы будем очень благодарны тебе, если ты выйдешь на похитителей в максимально короткие сроки.

— Сколько у меня времени? Месяц?

— Нет.

— Десять дней, пятнадцать?

— Нет.

— Неделя?

— Еще меньше...

— Не понимаю. Как быстро я должен их найти?

— Их нужно было взять еще вчера, — заявил Владимир Владимирович. — И это не расхожий штамп как свидетельство нашей озабоченности. У тебя всего несколько дней. Три или четыре. По расчетам наших аналитиков, их «бомбы» должны сработать именно за такой период. В ближайшие несколько дней. Но ты должен выйти на них раньше, чем они заявят о своих требованиях.

— Понимаю. А если не заявят? Если их цель — чистый террористический акт где-нибудь в США или Великобритании. Насколько я знаю, похитители самолетов в Америке одиннадцатого сентября не предъявляли никаких требований. Просто захватили самолеты и врезались на них в башни Торгового центра. Абсолютная классика. Террористический акт как законченное произведение террористов. Им нужен был страх, жертвы, развалившиеся здания, потрясение основ. Без всяких переговоров.

— Поэтому мы и считаем, что у тебя есть в запасе лишь несколько дней. Самолет улетает вечером. У меня для тебя есть билет.

— Ненавижу самолеты, — пробормотал Дронго. — Как я полечу из Италии?

— Через Стамбул. У них есть вечерний рейс в Казахстан.

— С вами?